

ZIFA TEMIRGAZINA

<https://orcid.org/0000-0003-3399-7364>

Pavlodar Pedagogical University, Kazakhstan

ЭПИТЕТ «КРУТОЙ» В ЛИРИКЕ ПАВЛА ВАСИЛЬЕВА: СООТНОШЕНИЕ ОБЩЕЯЗЫКОВОЙ И ОККАЗИОНАЛЬНОЙ СЕМАНТИКИ

THE EPITHET "KRUTOI" IN THE LYRICS OF PAVEL VASILIEV: THE RATIO OF CONVENTIONAL AND OCCASIONAL

The article deals with the specificity of the use of the epithet, expressed by the adjective *krutoi*, in the lyric texts of Pavel Nikolaevich Vasiliev, the poet of the first half of the twentieth century. His work is notable for its dynamism, special imagery. That is why the epithet *krutoi* with its semantics of sharpness, strength, abruptness, decisiveness and severity is so in demand in Vasiliev's poetics. Usual semantics is transformed in poetic discourse and is overgrown with additional semantic increments, to varying degrees associated with conventional meaning — from an explicit connection to a distant one. Depending on the degree of transformation of conventional meanings, we distinguish three types of epithets: conventional epithets, semantic occasionalisms and semantic metamorphoses. Typical for Vasiliev's poetics is the transformation in accordance with his ideological and artistic views of the epithets expressed by the word *krutoi*. Semantic occasionalisms and metamorphoses make up 84.54% of the use of the epithets under consideration. With the help of occasional epithets, the poet creates unique macro-images and symbols that are essential for his poetic worldview, for example, the symbol of a horse.

Keywords: epithet, *krutoi*, conventional meaning, occasional meaning, semantic occasionalism, semantic metamorphosis

Функционирование эпитетов в поэзии Павла Васильева (1910–1937)¹ отличается своеобразием, отражающим уникальность

¹ Павел Васильев родился 5 января 1910 года в семье учителя в городке Зайсан в Казахстане. Детство и юность прошли в г. Павлодар (Казахстан). Его короткая жизнь была достаточно насыщенной различными событиями: он был два раза женат, объехал Сибирь и Дальний Восток, в 1929 году поехал покорять литературную Москву, где его три раза арестовывал НКВД. Он был расстрелян в 1937 году в возрасте 27 лет по обвинению в принадлежности к "террористической группе", якобы готовившей покушение на Сталина. В 1956 году был реабилитирован Верховным судом СССР. Павел Васильев оставил после себя значительное поэтическое наследие, часть которого была впервые опубликована только в 80–90-х годах XX века.

мировосприятия и мироощущения художественной личности поэта. Эпитет как элемент художественно-эстетической системы произведения с формально-структурной точки зрения может быть выражен различными частями речи: прилагательными, причастиями, наречиями, субстантивными словоформами с предлогом и без. Однако основным способом выражения эпитета является имя прилагательное. Таким образом, в лингвопоэтике возникает проблема различения эпитета как художественного средства и определения, выраженного прилагательным². Эпитет характеризуется экспрессивностью, образностью, выразительностью. Однако определение в нехудожественной речи (разговорной, научной, публицистической) тоже может иметь признаки образности и экспрессивности: **зеленая экономика**, **тяжелые металлы**, **твердые согласные** и т.д. По мнению Ирины Арнольд, признак образности не является обязательным для эпитета. На ее взгляд, эпитет — это «экспрессивная, оценочная характеристика какого-либо лица, явления, предмета, но необязательно образная»³. В этом мы солидарны с названной ученой. Некоторые исследователи лингвопоэтики не считают нужным разграничивать определение и эпитет, полагая, что одно не может существовать без другого⁴.

Подчеркивая общность формальных признаков, синтаксической функции эпитета и определения, отметим, что первое функционирует в эстетически маркированном художественном дискурсе, а второе — в дискурсах, эстетически не маркированных. Иными словами, эпитет всегда выполняет определенную идейно-эстетическую функцию, являясь частью общего авторского художественного замысла произведения.

Эпитет — художественное определение (определение в эстетической функции) предмета, лица, явления, процесса, ситуации, выделяющее, подчеркивающее, усиливающее существенный, с точки зрения автора, признак, который может повторять или подновлять значение определяемого слова,

² З.К. Темиргазина, Г.К. Жакупова, *Гармония и дисгармония: акустическая оппозиция в ранней лирике Александра Блока*, «Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика» 2021, №1(12), с. 137–152. DOI: 10.22363/2313-2299-2021-12-1-137-152

³ И. В. Арнольд, *Стилистика современного английского языка*, Просвещение, Ленинград 1981, с. 22.

⁴ А. П. Лободанов, *К исторической теории эпитета (античность и средневековье)*, «Известия АН СССР. Серия литературы и языка» 1984, т. 43, № 3, с. 215–227.

ЭПИТЕТ «КРУТРОЙ»...

быть типичным и неотъемлемым для целого класса предметов, индивидуальным признаком конкретного предмета, создавать микро- или макрообраз, придавая ему живописность, содержать скрытые смыслы и оценку, создавать эмоциональный настрой произведения, усиливать впечатление на реципиента, обращаясь к его интеллектуальному, эмоциональному и эстетическому восприятию⁵.

Таким образом, определение, даже обладающее экспрессивностью, образностью, функционирующее в нехудожественных дискурсах, не выполняет художественно-эстетическую функцию в реализации общего замысла произведения, тем самым отличаясь от эпитета как такового.

Распространенность эпитета, выраженного именем прилагательным, в художественном дискурсе объясняется атрибутивностью его частеречной семантики, позволяющей индивиду приписывать объектам окружающей действительности различные свойства, присущие им имманентно. Приписывая явлениям и предметам окружающего мира определенные признаки, человек показывает своё небезразличие к этим атрибутам. Иначе говоря, имя прилагательное не только обозначает объективные свойства предмета, но и передает субъективное отношение человека к признакам реальных. Значимость контекста для интерпретации эпитета приводит к необходимости учитывать его синтагматические связи и, соответственно, использовать термин «эпитетный комплекс», под которым Сергей Губанов понимает семантико-структурное объединение нескольких эпитетов в сложное, развернутое высказывание с преобладанием «адъективного вещества»⁶. В эпитетный комплекс входят причастные и деепричастные обороты, компаративные конструкции, местоимения и т.д., распространяющие эпитет; ряды эпитетов, характеризующих одно определяемое слово. Таким образом, вслед за Губановым, мы принимаем в статье широкое понимание эпитета, которое включает не только имя прилагательное в качестве основного способа выражения, но и наречие, которое объединяет с именем прилагательным категориальное значение признаковости, но только не предмета, а действия.

⁵ А.В. Павшук, *Языковая природа и функции эпитета в художественном тексте (на материале романа Асорина «Воля»)*: автореф. дис. канд. филол. наук, Москва 2007, с. 20.

⁶ С.А. Губанов, *Эпитет в творчестве М.И. Цветаевой: семантический и структурный аспекты*: дис. канд. филол. наук, Самара 2009, с. 21.

В художественных произведениях эпитеты являются предметом исследования в работах лингвопоэтического направления Анны Павшук⁷, Сергея Губанова⁸, Гульфиры Байбулатовой⁹, Екатерины Касьяновой¹⁰ и др.

Творчество поэта Павла Васильева исследовалось в диссертационных работах как литературоведческого, так и лингвопоэтического характера (см., например, труды Тамары Мадзигон¹¹; Ирины Ивлевой¹²; Валерия Хомякова¹³; Нины Поповой¹⁴). Функционирование и анализ эпитетов в поэзии Васильева не становились предметом отдельного исследования. Они рассматривались в контексте общей поэтики Васильева¹⁵ либо затрагивались косвенно при изучении отдельных проблем, например, экспрессивности¹⁶, фольклорных мотивов¹⁷. Таким образом, художественная специфика эпитетов в поэзии Васильева до сих пор изучена недостаточно.

Целью работы является изучение авторской специфики употребления широко понимаемого термина «эпитет», выраженного именем прилагательным *крутой* и наречием *круто*, в лирике Павла Васильева в плане соотношения общезыкового, т.е. узуального и окказионального значений, определяющих роль эпитета в поэтической картине мира.

⁷ А. В. Павшук, *Языковая природа и функции эпитета...*

⁸ С. А. Губанов, *Эпитет в творчестве М. И. Цветаевой...*

⁹ Г. Г. Байбулатова, *Языковые и художественные особенности эпитетов в башкирской литературе (на примере произведений З. Бишиевой, М. Карима и Н. Мусина)*: дис. канд. филол. наук, Уфа 2010.

¹⁰ Е. Ю. Касьянова, *Цветовой эпитет в творчестве С. Н. Сергеева-Ценского*, «Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки» 2011, № 104 (12), с. 236–238.

¹¹ Т. М. Мадзигон, *Творчество Павла Васильева*: дис. канд. филол. наук, Москва 1966.

¹² И. Д. Ивлева, *Действительность и ее художественное воплощение в поэзии Павла Васильева*: дис. ... канд. филол. наук, Москва 1990.

¹³ В. И. Хомяков, *Художественная картина мира в творчестве П. Васильева: из истории мировоззренческих и стилевых исканий в русской поэзии 1920–1930-х годов*: дис. д-ра филол. наук, Москва 2007.

¹⁴ Н. В. Попова, *Фольклорные традиции в творчестве Павла Васильева*: дис. канд. филол. наук, Москва 2016.

¹⁵ С. К. Шаймарданова, *Поэтическое слово в контексте Павла Васильева*: дис. канд. филол. наук, Алма-Ата 1990.

¹⁶ Т. В. Галкина, *Лексическая экспрессивность в поэзии Павла Васильева*, «Северный регион: наука, образование, культура» 2012, № 1–2 (25–26), с. 314–318.

¹⁷ Н. В. Попова, *Фольклорные традиции в творчестве Павла Васильева...*

Материалом исследования выступают эпитетные комплексы, включающие прилагательное *крутой* или наречие *круто*. Они извлечены из Национального корпуса русского языка (далее НКРЯ), поэтического подкорпуса¹⁸. Подкорпус произведений Васильева включает 244 документа, 63 020 слов. Слова *крутой*, *круто* встречаются в стихотворениях Васильева, согласно данным НКРЯ, 26 раз.

Основными методами исследования являются, во-первых, контекстуальный анализ, учитывающий синтагматические отношения эпитета и влияние окружения на семантику слова, диктующий использование понятия «эпитетный комплекс»; во-вторых, типологизация соотношения общеязыкового и окказионального компонентов в семантике слов. Кроме этого, используется метод статистического анализа для подсчета вхождений в НКРЯ и употребления общеязыковых и окказиональных значений слова *крутой* в поэтических текстах Васильева.

Выбор для исследования эпитетов, выраженных качественным именем прилагательным *крутой* и наречием *круто*, обусловлен их значимостью в отражении своеобразия художественного мировосприятия и мироощущения Васильева, отдающего предпочтение пространственно-линейным аномалиям в окружающем мире, динамическим визуальным образам, выходящим за рамки привычного и обычного. Об этой особенности его художественного мировосприятия писал Михаил Эпштейн: «Среди русских поэтов Васильев едва ли не самый крутой по характеру лирического героя, которого и в природе влечет все тяжелое по весу, плотное по составу, косое по направлению — как хищный бросок»¹⁹. Светлана Шаймарданова рассмотрела в своей диссертации лингвопоэтические и художественно-стилистические особенности поэзии Васильева и установила, что определенные слова в его поэзии становятся акцентными, другие слова функционируют в контексте, тематически не выходя за его рамки²⁰. К таким важным, акцентным для поэтического контекста Васильева словам относится и эпитет *крутой*. В число эпитетов мы включаем не только

¹⁸ Национальный корпус русского языка, <https://ruscorpora.ru/new/search-poetic.html> (03.08.2021).

¹⁹ М. Н. Эпштейн, *Природа, мир, тайник вселенной: Система пейзажных образов в русской поэзии*, Высшая школа, Москва 1990, с. 255.

²⁰ С. К. Шаймарданова, *Поэтическое слово в контексте Павла Васильева...*, с. 83.

прилагательные и наречия, но и сложные слова, образованные с участием слова *крутой*: *круторогий*, *крутобровый*.

Согласно мнению Владимира Колесова, понятие качества, которое является семантической основой имени прилагательного, особенно важно для русского человека в процессе осмысления окружающей действительности: именно

качество воспринимается как основная категория в характеристике вещного мира; качество, а не количество привлекает законченностью и разнообразием радужных форм; через признак выявляется каждое новое качество, привлекающее внимание своей неповторимостью; отвлеченные имена также образуются с помощью адъективных основ, а самостоятельная категория имени прилагательного формируется в русском языке, начиная с древнейших времен.²¹

Потенциальная субъективность категориальной атрибутивной семантики является основой эстетической авторской трактовки имени прилагательного и использования его в художественной функции. У эпитета как художественного тропа нередко происходит преобразование семантики адъективной лексемы. Механизм семантического преобразования основывается на расширении синтагматики имени прилагательного, в ходе которого в его общеязыковом значении актуализируются потенциальные семы и осуществляется так называемое приращение смысла, т.е. возникает окказиональное значение. Дополнительное приращение смысла, особенно в художественном дискурсе, может включать и образные представления. Актуализация происходит за счет влияния широко понимаемого контекста, включающего индивидуальный тезаурус и фонд общих знаний автора.

Окказиональные значения возникают на основе общеязыковой, или узуальной семантики слов. На это указывает Эрик Ханпира, который пишет, что окказиональное значение

возникает не на голом месте, а контактуется или наслаивается на узуальное значение слова, которое обычно приглушается или контекстно смещается в целях создания художественного образа. Слово становится двуплановым — носителем узуальных значений и выразителем иных осмыслений, обусловленных характером художественного текста²².

²¹ В.В. Колесов, *Русская ментальность в языке и тексте*, Петербургское востоковедение, Санкт-Петербург 2006, с. 204.

²² Э.И. Ханпира, *Окказиональные элементы в современной речи // Стилистические исследования*, Наука, Москва 1972, с. 38.

Проведенный анализ показал, что семантика эпитета *крутой* в лирических текстах Васильева основывается на общеязыковых значениях, зафиксированных в словарях. Наиболее частотное использование ЛСВ₅, ЛСВ₃ и ЛСВ₂ имени прилагательного (см. об этом подробнее ниже). Те или иные ЛСВ в художественном контексте приобретают смысловые приращения, дополнительные семы. В зависимости от степени преобразования общеязыкового значения и его окказионализации можно выделить три типа соотношения узуального и окказионального в семантике эпитета *крутой*:

— общеязыковые, или узуальные — с нулевой степенью окказионализации;

— семантические окказионализмы — со средней степенью трансформации, сохраняющие видимую связь с общеязыковым значением;

— семантические метаморфозы — с максимальной степенью окказионализации.

ОБСУЖДЕНИЕ

Прилагательное *крутой* в русском языке многозначно. По данным словаря Дмитрия Ушакова оно имеет 4 узуальных значения, или 4 лексико-семантических варианта (далее ЛСВ)²³. В более позднем толковом словаре под редакцией Анастасии Евгеньевой у слова *крутой* зафиксировано пять ЛСВ²⁴. В нем закреплены два новых значения, отсутствующие в словаре Ушакова: 'лишенный плавности, постепенности' и 'проявляющийся и действующий с большой силой и резкостью'. В то же время в словаре Ушакова зафиксировано значение 'резко, внезапно, почти под прямым углом меняющий направление', которого нет в словаре Евгеньевой. Больше всего ЛСВ у слова *крутой* — десять — обнаружено в «Викисловаре»²⁵. В таблице 1 представлены лексико-семантические варианты имени при-

²³ Д. Н. Ушаков (ред.), *Толковый словарь русского языка*, Москва 1935–1940, <http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/default.asp> (02.09.2021).

²⁴ А. П. Евгеньева (ред.), *Словарь русского языка*: В 4-х т., Русский язык; Полиграфресурсы, Москва 1999, <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> (12.09.2021).

²⁵ Викисловарь, <https://ru.wiktionary.org/> (12.09.2021).

лагательного *крутой* в названных выше толковых словарях русского языка.

Сравнение показывает, что в современном русском языке идет активное расширение семантики этого имени прилагательного и наблюдается появление у него дополнительных ЛСВ. Так, один из ЛСВ, пока не зафиксированный в толковых словарях, 'престижный, статусный' изначально употреблялся в молодежной среде и затем перешел в общую сферу функционирования языка: *крутая тачка; крутая мобила; крутые часы; крутой особняк*. ЛСВ используется и в качестве междометного выражения с общим интенсивным положительно-оценочным значением: *Круто!*

Таблица 1. ЛСВ в дефинициях слова *крутой* в различных толковых словарях

	Толковый словарь Ушакова	Словарь русского языка Евгеньевой	Викисловарь
ЛСВ1	отвесный, отвесно расположенный, обрывистый.	почти отвесный, обрывистый; <i>противоп.</i> пологий.	почти отвесный, обрывистый
ЛСВ2	резко, внезапно, почти под прямым углом меняющий направление.		
ЛСВ3			резко изогнутый или очерченный; выпуклый
ЛСВ4		высоко поднимающийся (о волне, зыби и т.п.).	высоко поднимающийся (о волне, зыби и т.п.)
ЛСВ5		лишенный плавности, постепенности (о поворотах, изгибах и т.п.); резкий.	лишённый плавности, постепенности (о поворотах, изгибах и т.п.).
ЛСВ6	суровый и упрямый (разг.).	суровый, упрямый, своевольный (о характере человека, а также о человеке с таким характером).	<i>перен. разг.</i> суровый, упрямый, своевольный (о характере человека, а также о человеке с таким характером).
ЛСВ7	густо замешенный, приготовленный, густо сваренный.	доведенный варкой или замешиванием до высокой степени плотности, густоты.	<i>кулин.</i> доведённый варкой или замешиванием до высокой степени плотности, густоты.

ЭПИТЕТ «КРУТРОЙ»...

ЛСВ8	проявляющийся и действующий с большой силой и резкостью (о стихийных явлениях).	проявляющийся с большой силой и резкостью (о стихийных явлениях).
ЛСВ9		решительный и глубокий, касающийся основы, существа чего-либо.
ЛСВ 10		очень строгий, решительный, резкий. Крутые меры. Крутые слова
ЛСВ11		<i>перен. разг.</i> очень хороший, поразительный. Он купил себе крутой джип.

Рассмотрим далее функционирование эпитета *крутой* в произведениях Васильева. Так, ЛСВ1 с прямым значением 'почти отвесный, обрывистый' (4 вхождения в НКРЯ) употребляется в сочетании со словами *берег* в функции определения и именной части сказуемого:

Вдыхаю воздух знаменитый

Крутых *иртышских берегов.* («Послание к Наталье», 1934)²⁶.

— *Вишь, голубь падает с разлета,*

*У Иртыша, где берег **крут**...* («Христолюбовские ситцы», 1935–1936).

Использует Васильев и устно-поэтическое фольклорное сочетание *крутой бережок*²⁷:

Торопись, гусыня, прибавь шажок —

*Узкие тропиночки, **крутой бережок*** («Песня о гибели казачьего войска», 1929–1930).

²⁶ Далее все примеры приводятся из НКРЯ.

²⁷ См., например, русские народные песни «*Меж крутых бережков...*», «*Вдоль да по речке...*» и др.:

*Меж **крутых бережков***

Волга-речка течет (<http://maxima-library.org/knigi/genre/b/253219?format=read>).

*Вдоль да **по бережку,***

*Вдоль да **по крутому***

Добрый молодец идет (<http://maxima-library.org/knigi/genre/b/253219?format=read>).

Имя прилагательное *крутой* употреблено в значении ‘лишенный плавности, постепенности (о поворотах, изгибах и т.п.)’ (ЛСВ5, 2 вхождения):

*Костлявые лестницы
Робко ведут,
Раскинув руками
Крутые перила* («Октябрьский ветер», 1930).

Эпитетный комплекс “*крутые перила*” является частью целостного поэтического образа, созданного воображением автора. Украинские ученые Иван Ковалик и Михайлина Коцюбинска попытались определить роль макрообраза и микрообраза в художественном тексте: макрообраз организует систему художественного отражения жизни в ее узких видовых или больших родовых сегментах (отрезках, частях, картинах); микрообраз отличается наименьшим текстуальным размером: это единица измерения образного мышления, по форме он может быть простым, неразвернутым и сложным, развернутым. Структура макрообраза организована связанными между собой однородными микрообразами²⁸.

Макрообраз метафора-олицетворение “*костлявые лестницы робко ведут, раскинув руками, крутые перила*” характеризуется резким противопоставлением смысловых доминант ‘хрупкость/слабость’, ‘робость’ (*костлявые, робко*) и ‘сила’, ‘резкость’ (*крутые*), возникающих в контексте. Этот прием «объединения противоположностей» Геннадий Зельдович называет детривиализирующим фактором в дискурсе метафоры, нарушающим «нарративную инерцию» восприятия читателем художественного текста и, соответственно, привлекающим его внимание к метафорическому макрообразу²⁹.

Рассмотрим строки:

*Молодая жизнь моя бывала другою,
Раскололась бубенцом под крутой дугою* («Песня о гибели казачьего войска», 1929–1930).

²⁸ М. Коцюбинська, *Література як мистецтво слова*. Наукова думка, Киев 1965, с. 21; І. Ковалик, *Про типологічну інтерпретацію художнього слова та вияв майстерності у Словнику творів І. Франко*. «Франко» І, вип. VII, ЛДУ, Львів 1969, с. 154.

²⁹ Г. Зельдович, *Взаимоотраженность смыслов и дискурсивная перспектива в художественном тексте*, «Przegląd Rusycystyczny» 2020, no. 2, с. 181.

ЭПИТЕТ «КРУТРОЙ»...

В них представлен макрообраз бурной молодости лирического героя, изменения в которой уподобляются скачущему коню с помощью микрообразов расколовшегося бубенца и крутой дуги. Таким образом, эпитет *крутая (дуга)* является составной частью макрообраза. Дополнительным приращением в ЛСВ₅, возникшим в контексте, является сема 'резкий поворот в жизни'.

Как видим, сохраняя в эпитетном комплексе узуальные значения, имя прилагательное *крутой* в целостном макрообразе обрастает дополнительными смысловыми приращениями, входящими в смысловой комплекс макрообраза как микрообраз, выступая в качестве семантического окказионализма.

В синтагматических отношениях с названиями частей тела животных эпитет *крутой* характеризует лишённые плавных переходов (ЛСВ₅, 4 вхождения в НКРЯ) изгибы рогов могучих *мордастых быков*, мощных шей, *клокочущих боков* только что объезженных скакунов, их *острых копыт*:

Над крутými шеями

Вьюги грив... («Песня о гибели казачьего войска», 1929–1930).

Коням тем, не знавшим досель седока,

Объездчики обнимали ногами

Крутые, *клокочущие бока*. («Песнь о хладнокровье», 1933).

Когда быков мордастых, круторогих

На праздниках с копыт долой валил. («Расставанье», 1934).

Полтысячи острых, крутых копыт

Взлетают, преграды сбив... («К портрету Р.», 1931).

Эпитетные комплексы с именем прилагательным *крутой* в рассматриваемых примерах выступают микрообразами в создании макрообразов скачущих во весь опор коней, с взлетающими копытами и развевающимися гривами — символов поэтического мира Васильева.

Особенно примечательны проходящие через все творчество Васильева, национально очень характерные образы коней, в которых «зверья стать и зверья прыгъ» — своеобразные вариации на тему гоголевской «тройки», уже не только стремительной, но и «свирепой», «злой» (*Ярмарка в Куяндах*, 1930; *Конь*, 1930 и 1932; *Тройка*, 1933), —

так пишет о специфике образа коня в творчестве Васильева Эпштейн³⁰.

³⁰ М. Н. Эпштейн, *Природа, мир, тайник вселенной...*, с. 256.

На наш взгляд, это не вариации гоголевской «тройки», даже и своеобразные. Это другой образ, порожденный иным мировоззрением, иной культурой — кочевой, степняцкой, казачьей вольницей, которая не была ограничена лишними запретами и отличалась крайним свободолобием. И конь в этой культуре — символ неограниченной вольницы и степных просторов, в нем ценится непокорность, даже необузданность, свирепость. Чтобы скакать на этих конях, владеть ими, люди тоже должны быть вольными, сильными, свирепыми, крутыми и суровыми. Эпитет *крутой* непосредственно участвует вместе с другими микрообразами (метафорическим эпитетом *горячий* и метафорой *бьет копытом*) в создании макрообраза коня как специфического васильевского символа степной воли:

*Самый горячий крутой жеребец
Под атаманом копытом бьет.* («Песня о гибели казачьего войска», 1929–1930).

Здесь у эпитета *крутой* проявляются оценочные семы ‘лучший среди других, престижный, статусный’.

См. также следующие строки, в которых изображены мчащиеся во весь опор крутые степные кони и скачки на ярмарке:

*Юность мчится во весь опор
На крутых степных лошадях* («Сестра», 1930);
*И широкий крутой заезд
Низко стелется над травой* («Ярмарка в Куяндах», 1930).

Эпитет *крутой* приобретает в рассматриваемых контекстах метафорическое значение ‘свободолюбивый, непокорный; лучший в своем роде’, в котором осмысление реалии из конкретно-предметной сферы переводится в сферу абстракций, возникает рационально-эмоциональный тип метафоры (см. *теплые отношения*). Признак, основанный на визуальном восприятии пространственной организации реалий окружающей действительности (*берег, обрыв, лестница* и т. д.), переходит в ментальную область — область эмоционально-оценочной деятельности.³¹ Это происходит в силу изменения синтагматических связей адъ-

³¹ З. К. Темиргазина, Ж. Б. Ибраева, *Наблюдатель в поэтическом нарративе (на примере стихотворений П. Васильева)*, «Вестник Томского гос. ун-та. Филология» 2021, № 72, с. 290–307. DOI: 10.17223/19986645/72/16

ектива — определяемым объектом выступают названия коней или связанных с ними понятий. Исследователи пишут: «Изменение качества приводит к исчезновению объекта в его прежнем понимании и появлению качественно нового объекта. У языка иная логика. В нем определяющую, главную роль играет синтаксическая функция».³² В сочетании “*крутой заезд*”, скорее всего, наблюдается синтаксический перенос определения на управляющее слово, т. е. нарушение привычных синтагматических связей — не *заезд крутых лошадей*, а *крутой заезд*; это так называемая эналлага — специфическая риторическая фигура. Иными словами, здесь налицо синтаксический, а не семантический перенос.

В строках *Не грива, а коршун на шее крутой* («Конь», 1930) грива коня сравнивается с коршуном, сидящим на его шее. В сравнительном обороте актуализируются коннотативные семы хищности, стремительности, свирепости коня, порождаемые в контексте эпитетом *крутой*, который является именной частью составного сказуемого, и существительным *коршун*.

ЛСВ3 ‘резко изогнутый или очерченный; выпуклый’ (4 вхождения в НКРЯ) функционирует как определение к определяемым словам — названиям частей тела, лица человека (*плечи, ладонь, брови*), либо выступает в предикативной функции — как именная часть сказуемого, либо является частью сложного прилагательного (*крутобровый*):

Плечи твои широки, круты («Как тень купальщицы длина твоя...», 18 ноября 1934);

Ты не хмурь крутые брови

Без пути («Песня о гибели казачьего войска», 1929–1930);

Возникни, ангел крутобровый,

На диком зареве весны! («Христоробовские ситцы», 1935–1936);

Опускается глухо крутая ладонь

На курганную медь пересчитанных денег («Мясники», 1929).

ЛСВ2 ‘резко, внезапно, почти под прямым углом меняющий направление’ реализуется в следующем контексте, характеризующем бурное течение сибирской реки:

Крутая Обь и вспененный Иртыш

Скрестили крепко

Взбухнувшие жилы... («Сибирь», 1930).

³² З. М. Цуанова, *Становление и развитие качественных существительных в немецком языке*, «Язык в диахронии», Истоки, Воронеж 2006, с. 165.

С помощью эпитета *крутой* Васильев создает неповторимые словесные образы, представляющие собой сплав ассоциативных связей и дополнительных приращений смысла, иногда имеющих лишь отдаленные связи с узуальными общеязыковыми значениями. Инесса Бабенко назвала этот специфический тип переносов значения семантическими метаморфозами, которые, по ее мнению, представляют собой «крайнюю степень изменения семантики слова, художественно детерминированное коренное её “искажение”, предпринятое автором для создания уникального эстетического смысла и особого прагматического эффекта».³³ Например, в следующем четверостишии:

*Ты, если вспомнить, говорила,
Что время сердцу отдых дать,
Чтобы моя крутая сила
Твоей красе была под стать* («Послание к Наталье», 1934)

поэт соединяет в эпитетном комплексе две лексемы *крутая* и *сила* с «перекликающимися» семами ‘суровость’, ‘сила’ и проч., имеющими отношение к лирическому герою — мужчине, и сопоставляет их с женской красотой. В этой семантической метаморфозе можно обнаружить хотя бы слабые и отдаленные связи с некоторыми ЛСВ имени прилагательного *крутой*. Крайнюю степень «искажения» семантики слова, утерю с исходными смыслами наблюдаем в строках, в которых имя прилагательное *крутая* в окружении эпитетов *медовая*, *травяная* приобретает смысл ‘лучшая, красивая’:

*Ко мне прижавшись, думаешь о них,
Медовая, **крутая**, травяная,
И, тяжесть каждого припоминая,
Любого ждешь, любой тебе жених.* («Дорога», 1933).

Васильев использует и фразеологические обороты с компонентом-наречием *круто*, создавая макрообраз *круто замешенного теста жизни* степного Прииртышья: *Жизнь здесь тесто круто замесила...* («По Иртышу», 1927). В русскую идиому *надеть крепкую узду* в метафорическом значении ‘покорить, обуздать, успокоить’ поэт добавляет эпитет *крутую (узду)*, который вносит семантическое приращение ‘жесткий, суровый’:

³³ И. И. Бабенко, *Коммуникативный потенциал слова и его отражение в лирике М. Цветаевой*: автореф. дис. канд. филол. наук, Томск 2001, с. 11.

ЭПИТЕТ «КРУТРОЙ»...

*Надо надеть на народ узду
Крепче и круче,
Чем вначале...* («Соляной бунт», 1932–1933).

Функционирование эпитетов позволяет выделить в них три типа соотношения общезыкового и окказионального значений. В первом случае эпитет употребляется в узуальном значении, сохраняя его практически неизменным; это общезыковые, или узуальные эпитеты. Во втором типе соотношения эпитет приобретает в зависимости от поэтического мировоззрения и идейно-художественного замысла автора семантические приращения, существенно меняющие узуальное значение исходного слова. Эти эпитеты относятся к семантическим окказионализмам, выступающим «неотъемлемой частью идиолекта писателя, текстов художественных произведений...»³⁴ При третьей степени окказионализации, который можно определить как семантическую метаморфозу, эпитет практически полностью утрачивает связь с исходным значением, сохраняя лишь отдаленные ассоциации с ним. Наиболее распространено упот.ребление эпитетов второго типа, т. е. семантических окказионализмов. Далее по степени частотности идут эпитеты с высокой степенью окказионального содержания и отдаленной ассоциативной связью с узуальным значением. Наименее частотны общезыковые, или узуальные эпитеты. Частотность разных типов эпитетов в поэтическом дискурсе Васильева представлена в таблице 2.

Таблица 2. Типы соотношения узуальных и окказиональных значений в эпитетах *крутой* в лирике Васильева

Узуальные значения	1 тип	2 тип	3 тип
ЛСВ 1	4		
ЛСВ 2		1	
ЛСВ 3		5	
ЛСВ 5		7	
ЛСВ 7		1	
	4	14	8
	15,4 %	53,84%	30,7 %

³⁴ Е. Г. Ковалевская, *Вопрос об узуальном и окказиональном в лингвистической литературе. Узуальное и окказиональное в тексте художественного произведения*, Издательство ЛГПИ имени А. И. Герцена, Ленинград 1986, с. 8.

Для поэтики Васильева характерно употребление эпитета как словесного микрообраза в создании целостного макрообраза, в который эпитет вносит дополнительную экспрессивность, например, в метафорическом образе «грива коня — это коршун на шее крутой».

Если рассматривать функционирование эпитета *крутой* во взаимосвязи с определяемым словом, называющим объект из определенной сферы, то выясняется, что наиболее активно он используется для характеристики объектов животного мира, затем объектов природы, в равной степени человека и артефактов³⁵ и менее всего для определения ментальных представлений. См. таблицу 3.

Таблица 3. Сферы объектов характеристики эпитета *крутой*

Артефакты	Натурфакты	Животные	Человек	Ментальные понятия
<i>крутые перила, крутая дуга, дамб крутое литье</i>	<i>крутая Обь, крутой берег, звезды круче</i>	<i>крутой жеребец, крутые копыта, крутые бока</i>	<i>крутая ладонь, плечи круты, крутые брови</i>	<i>крутая сила</i>
5	6	8	5	2
19,2%	23%	30,7%	19,2%	7,7%

В сфере «животные» анализируемый эпитет, с точки зрения поэта, больше характерен для коня (7 вхождений / 26,9 %) как наиболее важного символического образа в его поэтической картине мира, отличающегося динамичностью, силой, свирепостью, непокорностью. «...Независимо от тем и сюжетов, творчество П. Васильева насыщено экспрессией, оно поражает неукротимой энергией, буйством красок»³⁶.

³⁵ Z. K. Temirgazina, *Cultural Scenarios of Emotions of Sadness, Sorrow and Grief*, «Middle-East Journal of Scientific Research 13 (Socio-Economic Sciences and Humanities)» 2013, с. 224–229. DOI: 10.5829/idosi.mejsr.2013.13.sesh.1440.

³⁶ Т. В. Галкина, *Лексическая экспрессивность в поэзии Павла Васильева...*, с. 318.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, можно констатировать, что эпитеты, выраженные именем прилагательным *крутой*, наречием *круто*, относятся к значимым элементам поэтической картины мира Павла Васильева. Она характеризуется динамичностью, особой «энергетической» образностью, стремлением к разрушению привычного, стереотипного. Исследование художественно-эстетической функции поэтических средств позволяет выявить, как отдельные выразительные средства участвуют в создании общей авторской идеи, как они работают на ее реализацию, встраиваясь в целостный идейно-художественный замысел поэта-творца и объединяясь с другими элементами поэтики текста. Эпитеты перерабатываются творческим мышлением автора, порождая своеобразные образы и символы, которые находят свое выражение в семантических окказионализмах и семантических метаморфозах. Васильев редко использует эпитет *крутой* в общеязыковых значениях (15,4%). По всей вероятности, руководствуясь сверхдинамичностью своего мировосприятия и миропонимания, своим природным стремлением к разрушению банальности и ординарности бытия, поэт в большинстве случаев (84,54%) преобразует традиционную семантику слов в соответствии со своими художественно-эстетическими задачами. Так он создает неповторимую поэтическую картину мира, важное место в которой занимают семантические окказионализмы и семантические метаморфозы, выраженные эпитетными комплексами со словами *крутой*, *круто*.

REFERENCES

- Arnol'd, Irina. *Stilistika sovremennogo angliyskogo yazyka*. Leningrad: Prosveshcheniye, 1981 [Арнольд, Ирина. *Стилистика современного английского языка*. Ленинград: Просвещение, 1981].
- Babenco, Inessa. *Kommunikativnyy potentsial slova i yego otrazheniye v lirike M. Tsvetaeyevoy*: avtoreferat dissertatsii na soiskaniye uchenoy stepeni kand. filol. nauk. Tomsk, 2001 [Бабенко, Инесса. *Коммуникативный потенциал слова и его отражение в лирике М. Цветаевой*: автореферат диссертации на соискание ученой степени канд. филол. наук. Томск, 2001].
- Baybulatova, Gul'fira. *Yazykovyye i khudozhestvennyye osobennosti epiteto v bashkirskoy literature (na primere proizvedeniy Z. Btischevoy, M. Karima i N. Musina)*: dissertatsiya na soiskaniye uchenoy stepeni kand. filol. nauk. Ufa: Bash-

- kirskiy gosudarstvennyy universitet, 2010 [Байбулатова, Гульфира. *Языковые и художественные особенности эпитетов в башкирской литературе (на примере произведений З. Бишиевой, М. Карима и Н. Мусина)*: диссертация на соискание ученой степени канд. филол. наук. Уфа: Башкирский государственный университет, 2010].
- Ershteyn, Michael. *Priroda, mir, taynik vselennoy: Sistema peyzazhnykh obrazov russkoy poezii*. Moskva: Vysshaya shkola, 1990 [Эпштейн, Михаил. *Природа, мир, тайник вселенной: Система пейзажных образов в русской поэзии*. Москва: Высшая школа, 1990].
- Galkina, Tamara. "Leksicheskaya ekspressivnost' v poezii Pavla Vasil'yeva." *Severnyy region: nauka, obrazovaniye, kul'tura* 2012, no. 1–2 (25–26): 314–318 [Галкина, Тамара. "Лексическая экспрессивность в поэзии Павла Васильева." *Северный регион: наука, образование, культура* 2012, no. 1–2 (25–26): 314–318].
- Gubanov, Sergey. *Epitet v tvorchestve M. I. Tsvetayevoy: semanticheskiy i strukturnyy aspekt*: dissertatsiya na soiskaniye uchenoy stepeni kand. filol. nauk. Samara: Samarskiy gosudarstvennyy universitet, 2009 [Губанов, Сергей. *Эпитет в творчестве М. И. Цветаевой: семантический и структурный аспекты*: диссертация на соискание ученой степени канд. филол. наук. Самара: Самарский государственный университет, 2009].
- Ivleva, Irina. *Deystvitel'nost' i yeye khudozhestvennoye voploshcheniye v poezii Pavla Vasilieva*: avtoreferat dissertatsii na soiskaniye uchenoy stepeni kand. filol. nauk. Moskva: Moskovskiy gosudarstvennyy universitet im. M. V. Lomonosova 1990 [Ивлева, Ирина. *Действительность и ее художественное воплощение в поэзии Павла Васильева*: автореферат диссертации на соискание ученой степени канд. филол. наук. Москва: Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, 1990].
- Kas'yanova, Yekaterina. "Tsvetovoy epitet v tvorchestve S. N. Sergeyeva-Tsenskiego". *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki* 2011, no. 104 (12): 236–238 [Касьянова, Екатерина. "Цветовой эпитет в творчестве С. Н. Сергеева-Ценского." *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки* 2011, no. 104 (12): 236–238].
- Khanpira, Erik. "Okkazional'nyye elementy v sovremennoy rechi." *Stilisticheskiye issledovaniya*. Moskva: Nauka, 1972: 245–317 [Ханпира, Эрик. "Окказиональные элементы в современной речи." *Стилистические исследования*. Москва: Наука, 1972: 245–317].
- Khomyakov, Valeriy. *Khudozhestvennaya kartina mira v tvorchestve P. Vasilieva: iz istorii mirovozzrencheskikh i stilevykh iskaniiy v russkoy poezii 1920–1930-kh godov*: dissertatsiya na soiskaniye uchenoy stepeni kand. filol. nauk. Moskva, 2007 [Хомяков, Валерий. *Художественная картина мира в творчестве П. Васильева: из истории мировоззренческих и стилических исканий в русской поэзии 1920–1930-х годов*: диссертация на соискание ученой степени канд. филол. наук. Москва, 2007].
- Kolesov, Vladimir. *Russkaya mental'nost' v yazyke i tekste*. Sankt-Peterburg: Peterburgskoye vostokovedeniye, 2006 [Колесов, Владимир. *Русская ментальность в языке и тексте*. Санкт-Петербург: Петербургское востоковедение, 2006].
- Kotsyubyn's'ka, Mykhaulyna. *Literatura yak mystetstvo slova*. Kyev: Naukova dumka, 1965 [Коцюбинська, Михайлина. *Література як мистецтво слова*. Киев: Наукова думка, 1965].

- Kovalyk, Ivan. "Pro typolohichnu interpretatsiyu khudozhn'oho slova ta vyuv mayternosti u Slovnyku tvoriv I. Franko." *Franko I*, no. VII, L'viv: LDU, 1969: 153–159 [Ковалик, Иван. "Про типологічну інтерпретацію художнього слова та вияв майстерності у Словнику творів І. Франко." *Франко I*, вип. VII, ЛДУ, Львів 1969: 153–159].
- Kovalevskaya, Yevgenya. "Vopros ob uzual'nom i okkazional'nom v lingvisticheskoy literature." *Uzual'noye i okkazional'noye v tekste khudozhestvenno-go proizvedeniya*. Leningrad: Izdatel'stvo LGPI imeni A. I. Gertsena, 1986: 6–8 [Ковалевская, Евгения. Вопрос об узуальном и окказиональном в лингвистической литературе." *Узуальное и окказиональное в тексте художественного произведения*. Ленинград: Издательство ЛГПИ имени А. И. Герцена, 1986: 6–8].
- Lobodanov, Aleksandr. "K istoricheskoy teorii epiteta (antichnost' i srednevekov'ye)." *Izvestiya AN SSSR. Seriya literatury i yazyka* 1984, vol. 43. no. 3: 215–227 [Лободанов, Александр. "К исторической теории эпитета (античность и средневековье)." *Известия АН СССР. Серия литературы и языка* 1984, vol. 43. no. 3: 215–227].
- Madzigon, Tamara. *Tvorchestvo Pavla Vasilieva*: dissertatsiya na soiskaniye uchenoy stepeni kand. filol. nauk. Moskva, 1966 [Мадзигон, Тамара. *Творчество Павла Васильева*: диссертация на соискание ученой степени канд. филол. наук. Москва, 1966].
- Pavshuk, Anna. *Yazykovaya priroda i funktsii epiteta v khudozhestvennom tekste (na materiale romana Asorina «Volya»)*: avtoreferat dissertatsii na soiskaniye uchenoy stepeni kand. filol. nauk. Moskva: Moskva: Moskovskiy gosudarstvennyy universitet im. M. V. Lomonosova 2007 [Павшук, Анна. *Языковая природа и функции эпитета в художественном тексте (на материале романа Асорина «Воля»)*: автореферат диссертации на соискание ученой степени канд. филол. наук. Москва: Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова 2007].
- Popova, Tatyana. *Russkaya neologiya i neografiya*. Yekaterinburg: Izdatel'stvo UGTU–UPI, 2005 [Попова, Татьяна. *Русская неология и неография*. Екатеринбург: Издательство УГТУ–УПИ, 2005].
- Popova, Nina. *Fol'klornyye traditsii v tvorchestve Pavla Vasilieva*: dissertatsiya na soiskaniye uchenoy stepeni kand. filol. nauk. Moskva: Literaturnyy institut imeni M. Gor'kogo, 2016 [Попова, Нина. *Фольклорные традиции в творчестве Павла Васильева*: диссертация на соискание ученой степени канд. филол. наук. Москва: Литературный институт имени М. Горького, 2016].
- Temirgazina, Zifa. "Cultural Scenarios of Emotions of Sadness, Sorrow and Grief." *Middle-East Journal of Scientific Research 13 (Socio-Economic Sciences and Humanities)* 2013: 224–229. DOI: 10.5829/idosi.mejsr.2013.13.sesh.1440
- Temirgazina, Zifa, and Ibrayeva, Zhanarka. "Nablyudatel' v poeticheskom narrative (na primere stikhotvoreniiy P. Vasilieva)." *Vestnik Tomskogo gos. un-ta. Filologiya* 2021, no. 72: 290–307. DOI: 10.17223/19986645/72/16 [Темиргазина, Зифа, и Ибраева, Жанарка. "Наблюдатель в поэтическом нарративе (на примере стихотворений П. Васильева)." *Вестник Томского гос. ун-та. Филология* 2021, no. 72: 290–307].
- Temirgazina, Zifa, and Zhakupova, Gulzhan. "Garmoniya i disgarmoniya: akusticheskaya oppozitsiya v ranney lirike Aleksandra Bloka." *Vestnik RUDN. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika* 2021, no. 1(12): 137–152.

- DOI: 10.22363/2313-2299-2021-12-1-137-152 [Темиргазина, Зифа, и Жакупова, Гульжан. “Гармония и дисгармония: акустическая оппозиция в ранней лирике Александра Блока.” *Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика* 2021, no. 1(12): 137–152].
- Tsunanova, Zul'fiya. “Stanovleniye i razvitiye kachestvennykh sushchestvitel'nykh v nemetskom yazyke.” *Yazyk v diakhronii*. Voronezh: Istoki, 2006: 161–170 [Цунанова, Зульфия. “Становление и развитие качественных существительных в немецком языке.” *Язык в диахронии*. Воронеж: Истоки, 2006: 161–170].
- Shaymardanova, Svetlana. *Poeticheskoye slovo v kontekste Pavla Vasilieva*: dissertatsiya na soiskaniye uchenoy stepeni kand. filol. nauk. Alma-Ata, 1990 [Шаймарданова, Светлана. *Поэтическое слово в контексте Павла Васильева*: диссертация на соискание ученой степени канд. филол. наук. Алма-Ата, 1990].
- Ushakov, Dmitriy (Ed.). *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka*. Moskva, 1935–1940. <<http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/default.asp>> [Ушаков, Дмитрий (Ред.). *Толковый словарь русского языка*. Москва, 1935–1940].
- Yevgen'yeva, Anastasiya (Ed.). *Slovar' russkogo yazyka: V 4-kh t.* Moskva: Russkiy yazyk; Poligrafresursy, 1999 <<http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp>> [Евгеньева, Анастасия (Ред.). *Словарь русского языка: В 4-х т.* Москва: Русский язык; Полиграфресурсы, 1999].
- Zel'dovich, Gennadiy. “Vzaimootrazhennost' smyslov i diskursivnaya perspektiva v khudozhestvennom tekste.” *Przeglad Rusycystyczny* 2020, no. 2: 157–201. DOI 10.31261/pr.7804 [Зельдович, Геннадий. “Взаимоотраженность смыслов и дискурсивная перспектива в художественном тексте.” *Przeglad Rusycystyczny* 2020, no. 2: 157–201].